

DOI 10.35775/PSI.2026.133.4.007

УДК 94(571.53)«1946/1985»

А.В. ПРОКОПЬЕВА

кандидат экономических наук,
доцент кафедры философии и социально-гуманитарных
дисциплин, Восточно-Сибирский институт
МВД России, Россия, г. Иркутск

СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ УСТЬ-ОРДЫНСКОГО БУРЯТСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА (1946-1985 ГГ.): ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ

Статья посвящена комплексному анализу процессов советской модернизации в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе (УОАО) в послевоенный период (1946-1985 гг.). На основе систематизированных материалов регионального учебного пособия и фундаментальных исследований научной литературы исследуются ключевые векторы социально-экономического развития: административно-территориальные изменения, масштабные преобразования в аграрном секторе (реорганизация машинно-тракторных станций, переход к системе совхозов, освоение целинных земель), динамика промышленного роста, а также трансформация образовательной системы и культурной политики.

Ключевые слова: советская модернизация, послевоенное развитие, сельское хозяйство, национально-культурная политика, региональная история.

Актуальность исследования определяется необходимостью углубленного изучения региональных моделей советской модернизации, выходящего за рамки простой констатации достигнутых экономических показателей. Анализ того, как масштабные общесоюзные кампании (освоение целины, укрупнение хозяйств) реализовывались на конкретной территории с учетом ее этнокультурных особенностей, позволяет более объемно оценить исторический опыт национально-государственного строительства в позднем СССР. Несмотря на наличие ряда обобщающих работ по истории Сибири и Бурятии, комплексное исследование, посвященное именно послевоенному развитию УОАО с акцентом на диалектику прогресса и внутренних противоречий, до сих пор остается востребованным.

Целью данной статьи является комплексный анализ основных векторов развития Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в 1946-1985 годах,

выявление специфики и результатов советской модернизации в экономической и национально-культурной сферах.

Послевоенное развитие Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (УОАО) началось в русле общесоюзной тенденции к унификации и централизации управления. Формально сохраняя статус автономии, округ стал органичной частью административной системы Иркутской области и СССР в целом. Для данного периода была характерна нестабильная административная карта. Если в 1946 г. в составе округа было 6 аймаков, то к 1965 г., после ряда укрупнений, их число сократилось до трех (Аларский, Боханский, Эхирит-Булагатский) [8. С. 145]. Лишь к середине 1970-х годов, в результате политики «стабильности кадров и границ», произошло восстановление прежней сетки, и округ вернулся к шестирайонной структуре [8. С. 146]. Эта чехарда преобразований, инициированная сверху, дестабилизировала местное планирование и свидетельствовала о примате отраслевых союзно-республиканских интересов над региональной спецификой [12. С. 180].

Управление округом осуществлялось через жесткую партийно-советскую вертикаль. Ключевым субъектом власти на территории был окружной комитет КПСС, который определял все значимые кадровые и хозяйственные решения. Советы народных депутатов всех уровней, согласно источникам, выполняли во многом декоративную и легитимизирующую функцию. Как отмечается в исследовании, выборы «носили формальный характер», а явка, традиционно приближавшаяся к 99%, была результатом хорошо отлаженной организационной работы партаппарата [10]. Исполнительный комитет окружного Совета, обладая широким спектром отделов (от народного образования до дорожного строительства), на практике занимался реализацией директив вышестоящих партийных и советских инстанций [8. С. 149].

Образование округа было связано с немалыми организационными и иными трудностями. Оргкомитет округа начал свою работу при отсутствии достаточной правовой основы: не было никакого положения и, тем более, закона об округе, его структуре, окружных органах власти и управления. Более того, оргкомитет и его отделы формировались и должны были действовать по принципу лишь представительства Иркутского облисполкома. При этом штаты оргкомитета были явно недостаточными, к тому же комплектовались они с большим трудом [2. С. 113]. Это обеспечивало лояльность местного руководства общегосударственному курсу и ограничивало возможности для проявления региональной инициативы. Так, в исследуемый период во главе округа последовательно находились руководители, чья деятельность была встроена в общесоюзные кампании, от послевоенного восстановления до хозяйственных экспериментов 1960-х гг.: «В 1960 г. по 4,5 тыс. литров молока на одну корову надаивали Т. Хажикова и В. Пастухова, высокие результаты имели свинарь колхоза им. П. Балтахинова Боханского аймака Болотов, пастухи Зуртуев из колхоза «Комсомолец» Баяндаевского, Пономарев и Азеркин из колхоза «Рассвет» Нукутского аймака и др. К 1980 г. округ занял видное место в Иркутской области в производстве и заготовках продуктов

сельского хозяйства. На долю округа приходилось 32% зерна, одна четверть мяса, 28% молока и 82% шерсти, производимых во всей области [8. С. 147].

Формальные институты национальной автономии, такие как окружной Совет и его исполнительные органы, хотя и обеспечивали определенное представительство местной элиты, не обладали реальной законодательной или бюджетной самостоятельностью. Их полномочия ограничивались решением текущих хозяйственно-распорядительных задач в рамках спущенных сверху планов и лимитов. Таким образом, административная автономия УОАО была существенно ограничена, а система управления характеризовалась жесткой вертикальной подчиненностью и формализацией политических процедур, что являлось общей чертой для всех национальных образований позднего СССР [5. С. 90].

Данная управленческая модель имела двойственные последствия. С одной стороны, она позволяла осуществлять мобилизацию ресурсов для реализации крупных общегосударственных проектов (освоение целины, строительство объектов) на территории округа. С другой – нивелировала саму суть автономии, сводя ее к этнографическому признаку в жестко централизованной системе. Решения, затрагивающие жизненно важные сферы (землепользование, образование, культурное развитие), принимались без должного учета мнения местного населения и долгосрочных интересов территории, что впоследствии порождало системные социально-экономические проблемы [3. С. 55].

Экономическая политика в УОАО в исследуемый период была направлена на интенсификацию сельского хозяйства и создание местной промышленности. Наиболее радикальные изменения произошли в аграрном секторе. Реорганизация машинно-тракторных станций (МТС) и передача техники колхозам в 1958 г., согласно анализу, оказалась преждевременной для многих хозяйств округа, не готовых к самостоятельному обслуживанию техники, что первоначально привело к простоям и потерям [8. С. 148]. Параллельно шла кампания по преобразованию колхозов в совхозы: если в 1950-е гг. колхозы преобладали, то к 1972 г. в округе было уже 38 совхозов против 25 колхозов [11]. Эта трансформация, по сути, означала окончательный переход от условно-кооперативной к государственной форме собственности на селе. Она укрепляла административный контроль над производством, но нивелировала остатки коллективно-артельной самостоятельности, переводя крестьян в статус наемных работников и окончательно подчиняя аграрный цикл директивам плановых органов.

Противоречия экономической политики наиболее ярко проявились в отраслевой структуре сельского хозяйства. Знаковым событием стало масштабное освоение целинных и залежных земель, в результате чего к 1958 г. посевные площади в округе выросли втрое по сравнению с 1937 г. [10]. Однако этот экстенсивный рост, мотивированный общесоюзной кампанией, имел серьезные экологические и социальные издержки именно в условиях УОАО. Расширение пашни происходило за счет сокращения традиционных пастбищных угодий, что системно подрывало основу животноводства – ключевую и наиболее адаптированную к местным условиям отрасль для бурятского населения [7. С. 71].

Нестабильность урожаев зерновых (например, колебания с 15,4 ц/га в 1955 г. до 8,2 ц/га в 1958 г.) наглядно демонстрировала агроэкологические риски подобной стратегии в зоне рискованного земледелия [9].

Таким образом, приоритет зернового производства, диктуемый сверху, вступал в прямой конфликт с исторически сложившейся и рациональной хозяйственной специализацией региона.

Внутренние противоречия плановой системы стали причиной периодических кризисов даже в рамках формально растущих показателей. Несмотря на общий рост поголовья скота и его продуктивности в 1950-е гг., к началу 1960-х годов системные просчеты привели к кризису. В 1963 г. многие хозяйства не выполнили планы по мясу и молоку, а массовый падеж скота (только крупного рогатого скота пало более 10 тыс. голов) был обусловлен комплексом причин: слабой кормовой базой из-за сокращения пастбищ, недостатком помещений и, что характерно, пресловутым «бесхозяйственным» отношением к общественной собственности, когда отсутствовала личная материальная заинтересованность [8. С. 146]. В то же время в личных подворьях подобных проблем не наблюдалось, что указывает на глубинную проблему мотивации труда в обезличенной колхозно-совхозной системе.

Промышленное развитие округа в 1946-1985 гг. носило вспомогательный и сырьевой характер, будучи призванным решить локальные задачи и занять высвобождающиеся трудовые ресурсы. Наблюдался количественный рост: если в 1950 г. насчитывалось 19 предприятий местной кооперативной промышленности, то к 1980 г. – уже 32, а объем реализуемой продукции увеличился в 13 раз [8. С. 145]. Появление новых производств, таких как Нукутский гипсовый рудник (1958 г.) или ковровый цех в Усть-Орде, создавало рабочие места и инфраструктуру (пос. Ново-Нукутск) [8. С. 145]. Однако эта промышленность, ориентированная на внутренние областные нужды (стройматериалы, добыча угля, заготовка древесины, переработка сельхозсырья), не смогла стать драйвером комплексного развития. Она не формировала завершенных технологических цепочек, была слабо связана с аграрным сектором и не создавала высокодоходных рабочих мест, способных удержать растущее население в округе, закладывая тем самым предпосылки для будущих социально-демографических проблем.

Политика в сфере образования и культуры в УОАО в послевоенный период (1946-1985) окончательно оформила курс, намеченный в 1930-е годы, став ключевым инструментом интеграции округа в единое идеологическое и культурное пространство СССР. С одной стороны, система народного образования достигла впечатляющих формальных успехов. Было завершено введение всеобщего обязательного образования, массово строились новые типовые школьные здания (например, Боханская средняя школа на 320 мест), что ликвидировало острейший дефицит учебных мест, характерный для первых советских десятилетий [6. С. 77]. Сеть образовательных учреждений непрерывно расширялась, охватывая даже отдаленные улусы, что способствовало росту грамотности и подготовке местных кадров. Однако эти достижения сопровождались целенаправленным

вытеснением национально-культурного компонента. Парадокс заключался в том, что созданная в 1930-е годы бурятская письменность на основе кириллицы, издание учебников и подготовка учительских кадров изначально служили не только развитию национальной школы, но и ее последующей более эффективной интеграции в унифицированную советскую модель, где русский язык стал доминирующим носителем знаний и социалистической культуры.

Языковая политика являлась краеугольным камнем этого процесса. Если в начальных классах еще могли использоваться учебники на бурятском языке, то с пятого класса обучение полностью переходило на русскоязычные программы. Бурятский язык низводился до статуса отдельного, зачастую второстепенного, предмета. Это привело к формированию устойчивой ситуации «асимметричного билингвизма», где русский язык прочно ассоциировался с прогрессом, наукой, карьерой и престижем, а родной язык оттеснялся в сферу бытового, преимущественно сельского и семейного общения [1. С. 70]. Образовательная система, таким образом, выполняла двоякую функцию: она была социальным лифтом, открывавшим молодежи округа доступ к высшему образованию и профессиональной реализации по всей стране, но одновременно выступала мощным механизмом мягкой языковой ассимиляции, последовательно сужавшим функциональное пространство бурятского языка.

В культурном строительстве доминировала общесоюзная, идеологически выверенная повестка. Учреждения культуры – клубы, библиотеки, дома пионеров – работали по единым централизованным планам, насыщенным политико-воспитательными мероприятиями. Национальные формы творчества допускались и даже поощрялись, но лишь в качестве «этнографического украшения» советской культуры – как фольклорные ансамбли, декоративно-прикладное искусство или праздничные элементы в рамках официальных мероприятий. Традиционные духовные практики и мировоззренческие основы вытеснялись. Даже такой ключевой праздник, как Сагаалган (Белый месяц), либо игнорировался, либо его смыслы подменялись, и лишь в постсоветское время он пережил масштабное возрождение как маркер этнической идентичности [9]. Созданная за эти десятилетия материальная инфраструктура культуры служила, в первую очередь, каналом трансляции и закрепления универсальной советской идентичности, а не глубокого развития культурной специфики на современной для той эпохи основе [7. С. 52].

Долгосрочные последствия этой политики проявились в формировании сложной этнокультурной идентичности у местного населения. С одной стороны, был достигнут высокий уровень интеграции, образованности и социальной мобильности. С другой – нарастал разрыв между поколениями в уровне владения родным языком, происходила эрозия традиционных знаний. Показательно, что в современной публицистике, посвященной 85-летию округа, восстановительными мерами называются издание базовых учебников бурятского языка и расширение сети классов с его изучением [9]. Этот факт косвенно, но красноречиво свидетельствует о масштабе проблемы, корни которой уходят в советскую

эпоху, когда систематическая поддержка родного языка на деле ослабла, а его преподавание не было ориентировано на реальное жизненное применение.

Модернизация округа была не органичным внутренним развитием, а имплементацией внешней модели, сочетавшей технологический прогресс с эрозией основ культурной и хозяйственной идентичности. Это наследие во многом предопределило сложности, с которыми округ столкнулся в постсоветский период, когда вопросы восстановления языковой среды, адаптации экономики и поиска новой региональной идентичности вышли на первый план. Дальнейшее изучение этих процессов требует междисциплинарного подхода и обращения к новым источникам, включая архивные документы и материалы устной истории, что может стать перспективным направлением для последующих исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Базаров Б.В.** Национально-культурная политика в Бурятии в 1920-1930-е гг.: достижения и противоречия // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38). С. 68-75.
2. **Балдыханов В.Н.** Территориальные реформы 1937 г. и 2008 г. (на примере Усть-Ордынского Бурятского автономного округа) // Вестник БГУ. 2010. № 7 // <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnye-reformy-1937-g-i-2008-g-na-primere-ust-ordynskogo-buryatskogo-avtonomnogo-okruga> (дата обращения: 08.02.2026).
3. **Дамешек Л.М.** Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1986. 303 с.
4. **Егунов Н.П.** Бурятские национальные районы и сельсоветы (1920-1937 гг.). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1990. 156 с.
5. История Сибири и Дальнего Востока : текущий указ. лит. Вып. 2, ч. 1 / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; сост.: И.Л. Захаров, Я.Х. Мальсагова, Н.А. Соловьев. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2020. 148 с.
6. Образование Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа: Сборник документов и материалов / сост. М.Н. Балдано. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. 245 с.
7. **Санжиев Т.Е.** Бурятия в XIX – начале XX в.: социально-экономическое развитие. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 1999. 210 с.
8. **Тармаханов Е.Е., Дамешек Л.М., Санжиева Т.Е.** История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа: Учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2003. 192 с.
9. Усть-Ордынский Бурятский округ // Областная газета (Иркутск). 2022. 11 дек. // <https://www.ogirk.ru/2022/12/11/ust-ordynskij-burjatskij-okrug/> (дата обращения: 08.02.2026).
10. Ф. 17. Оп. 128. Д. 423.

11. Ф. П-127. Оп. 42. Д. 145.

12. **Шабает Ю.П., Садохин А.П.** Этнополитология: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 319 с.

A.V. PROKOPYEVA

Candidate of Economic Sciences,

Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

SOVIET MODERNIZATION OF THE UST-ORDA BURYAT AUTONOMOUS OKRUG (1946-1985): CONTRADICTIONS BETWEEN ECONOMIC GROWTH AND NATIONAL-CULTURAL TRANSFORMATION

This article provides a comprehensive analysis of Soviet modernization processes in the Ust-Orda Buryat Autonomous Okrug (UOAO) in the post-war period (1946-1985). Based on systematic materials from a regional textbook and fundamental research from the scientific literature, key vectors of socioeconomic development are explored: administrative-territorial changes, large-scale transformations in the agricultural sector (reorganization of machine and tractor stations, transition to a state farm system, development of virgin lands), the dynamics of industrial growth, as well as the transformation of the educational system and cultural policy.

Key words: Soviet modernization, post-war development, agriculture, national cultural policy, regional history.